При виде отца первой реакцией семилетнего Се Яна был сильнейший, до дрожи, испуг. Чем мягче и ласковее улыбался этот человек, тем больший ужас он внушал мальчику. Ведь до этого дня мужчина уже бессчетное количество раз точно так же обманывал и предавал его.

Какие бы красивые речи ни источал этот человек, ребенок не верил ни единому слову, и сердце его оставалось глухо к чужим мольбам.

Так продолжалось до тех пор, пока мужчина не произнес: «Твоя мать тяжело больна».

Для любого другого человека мать Се Яна, без сомнения, показалась бы ужасной родительницей, однако для ребенка, который до шести лет вообще не знал тепла от старших, она оставалась единственной душой в поместье Се, кто проявлял к нему хоть какое-то внимание.

Когда остальные дети из клана Се общими усилиями сталкивали его в глубокую грязь, именно мать приказывала слугам вытащить его оттуда и отмыть. И пускай ее голос так и сквозил брезгливостью, а во взгляде читалось презрение — разве не после ее слов он в итоге получал сухую, чистую одежду?

Когда его запирали в темнице и морили голодом трое суток напролет, именно мать швыряла ему зачерствелые пампушки или остатки сладостей. И пускай она бросала их прямо на земляной пол — разве не благодаря им он в конечном счете мог набить пустой желудок?

Когда его избивали до полусмерти, так что он едва дышал, именно мать велела слугам наскоро смазать его раны какой-нибудь мазью, лишь бы не подох. И пускай тон ее при этом не предвещал ничего хорошего, а лекарство было самым дешевым — разве не это в итоге сохраняло ему жизнь?

Он отродясь не видел нормальных отношений между матерью и сыном, а потому не находил в подобном обращении ничего предосудительного. И пускай позже, живя в семье Юнь, он сполна насмотрелся на родительскую любовь и сыновнюю почтительность, но ведь клан Юнь во всем превосходил семейство Се, а потому и матери там вполне естественно были куда добрее и лучше его собственной, разве нет?

Большинство детей питают к матери слепую, врожденную привязанность: даже страдая от побоев и обид с ее стороны, они на подсознательном уровне всё равно тянутся к ней. Се Ян не был исключением, к тому же его мать никогда самолично не била его, не строила козней и подбрасывала еду, что на фоне остальных домочадцев из рода Се уже казалось величайшей милостью.

Поэтому Се Ян никак не мог выкинуть мать из сердца и всем существом стремился вернуться, дабы хоть разок взглянуть на нее.

К тому же он уже успел подметить растерянность и тяжесть на лицах дядюшек из клана Юнь. Все они относились к нему с душой, и ему очень не хотелось обременять их своими проблемами.

И пускай в свои семь лет он еще мало что смыслил в житейских премудростях, мальчик смутно ощущал, что его добровольное возвращение станет наилучшим выходом для семьи Юнь, а потому без колебаний согласился уйти вслед за тем мужчиной.

Перед самым уходом маленький А-Мяо, обхватив его руками, ревел в три ручья и даже порывался отправиться вместе с ним, но разве мог Се Ян позволить другу ступить в это волчье

логово под названием поместье Се?

И тогда Се Ян, которому вообще не следовало связывать себя какими-либо обещаниями, дал твердое слово: будущей весной всенепременно прибыть в Юньчэн, дабы отпраздновать день рождения Юнь Фэймяо.

Тот мужчина с благостной улыбкой кивнул в знак согласия, однако Се Ян прекрасно видел, что отец безбожно врет. И всё же мальчик надеялся, что по приезде сможет умолить о сострадании хотя бы мать.

Мать ведь относилась к нему лучше всех в этом проклятом доме, она ведь наверняка уступит его просьбе?

Подумаешь, ненадолго отлучиться, дабы поздравить друга с днем рождения — обычное дело, доступное любому члену клана Се от мала до велика, неужто ему нельзя исполнить это желание хотя бы один-единственный раз?

Как оказалось — действительно нельзя.

Стоило ему переступить порог родного дома, как он тут же вырвал свою ладонь из руки отца и со всех ног бросился в покои больной матери. Кто же мог подумать, что женщина окажется жива-здорова и в этот самый момент будет преспокойно резаться в карты Ецзыпай в компании нескольких тетушек.

Он отчетливо услышал, как старшая тетка лениво обронила:

— Надо же, этот мелкий ублюдок Се Ян ухитрился так внезапно сбежать. Раз уж он вернулся, тебе стоит получше улестить его, чтобы подобное впредь не повторилось. В этот раз ради его поисков людям пришлось изрядно попотеть, да и духовных камней ушла целая гора.

А следом раздался голос матери:

— Да к чему еще его умасливать? Я прежде и так излишне с ним нянчилась, оттого у него и достало сил на побег. Своей выходкой он едва не погубил ауру удачи моего родного сына! Отныне проще будет перебить ему обе ноги, погляжу я тогда, как он побегает. За те полгода, что он как сыр в масле катался в семье Юнь, мой мальчик то и дело терпел неудачи. Не будь процесс замещения его судьбы незавершенным, я бы самолично придушила этого щенка, дабы излить накопившийся гнев!

Се Ян слушал эти речи точно в полузабытьи, и в его голове наконец-то сложились воедино все прежние догадки. Он действительно не был родным ребенком для этих людей, а истинный шестой молодой господин Се — совсем другой человек.

Но кто же тогда он сам? Чьих кровей он будет?

Если клан Се приложил столько усилий ради подмены чужой судьбы, то его настоящий род, должно быть, обладал куда более грозным величием?

Вот только какая польза от этого величия, если они даже не заметили, как у них подменили собственного ребенка?

Се Ян находил это донельзя ироничным и в один миг утратил всякий интерес к тайне своего происхождения.

По сравнению с этим слепым семейством и безликими кровными родственниками, которых он в глаза не видел, маленький А-Мяо казался ему во сто крат важнее. Ему до безумия хотелось вырваться обратно в Юньчэн, однако он больше не мог сделать и шагу за пределы поместья Се: его сковали тяжелыми цепями и заперли в темной, лишенной солнечного света секретной комнате.

Духовной энергии в этом подземелье было хоть отбавляй, к тому же слуги регулярно доставляли ему свитки с техниками и еду, строго-настрого наказывая прилежно отдаваться культивации.

Собственно, он и сам стремился к этому: ему следовало как можно скорее стать сильнее, дабы сокрушить оковы, покинуть стены поместья Се и отправиться туда, куда стремилось его сердце.

Вот только каждый раз, стоило ему закончить тренировку, как накопленные в теле колоссальные запасы духовных сил бесследно исчезали в неизвестном направлении. Домочадцы Се в один голос твердили, будто при наличии небесного корня он по природе своей остается никчемным ничтожеством. Однако Се Ян прекрасно знал, что это ложь: во время жизни в клане Юнь его тренировки продвигались без сучка и задоринки, а значит, люди из рода Се определенно сотворили с его телом какую-то мерзость.

Но что он мог поделать, даже зная правду? У него попросту не было сил изменить хоть что-то.

Се Ян чувствовал, что постепенно сходит с ума. Запертый в подземелье, он день за днем вел счет времени, пока на календаре не замаячил февраль следующего года.

Он отчетливо помнил, что на обратную дорогу от дома Юнь до поместья Се ушло добрых полмесяца, а день рождения Юнь Фэймяо приходился на первый весенний месяц — март. Если он действительно хотел успеть поздравить друга, ему следовало как можно скорее выбраться отсюда.

Однако сколько бы он ни колотил в тяжелую дверь на протяжении целого месяца, никто так и не удостоил его ответом.

Когда наступил заветный день рождения Юнь Фэймяо, мальчик по-прежнему оставался заложником каменного мешка. Более того, из-за того, что в последнее время он забросил тренировки, слуги в наказание трое суток подряд не приносили ему ни крошки еды.

Се Ян впал в полное отчаяние. Он вдруг осознал, что в этой жизни нет совершенно никакого смысла: стоило ему перетерпеть одну муку, как на смену ей неизменно приходило еще более жестокое истязание. И ради чего тогда было бороться? Куда проще было разом со всем покончить.

Он со всего размаху ударился головой о каменную стену, и лишь когда кровь ручьем хлынула из-под запертой двери наружу, стражники заподозрили неладное и распахнули оковы.

В тот день всё поместье Се стояло на ушах от ярости. Они не могли позволить Се Яну просто так испустить дух, а потому были вынуждены раскошелиться на драгоценнейшую пилюлю Возвращения к жизни, дабы удержать его душу в теле.

Им еще только предстояло пожать желанные плоды, а они уже понесли столь колоссальные убытки — разве мог кто-то остаться довольным?

Они вознамерились подвергнуть мальчика еще более изощренным пыткам, однако Се Ян при

малейшей возможности вновь и вновь норовил расшибить себе лоб о стену, чем донельзя вымотал и обозлил всё семейство Се.

В конце концов старейшины рассудили, что с глаз долоoffice — из сердца вон. Они напрочь перебили Се Яну обе ноги, после чего выкупили у клана Гун права на Великую пустошь и без лишних церемоний выбросили покалеченного ребенка туда.

Слугам было велено приглядывать за изгнанником: покуда Се Ян оставался в пределах Великой пустоши, его можно было не трогать. Но стоило ему предпринять хоть малейшую попытку к бегству, как надлежало безжалостно ломать ему ноги заново.

Перенеся этот кошмар еще трижды, Се Ян наконец затих и смирился со своей участью, оставшись жить и тренироваться в Великой пустоши. И пускай его духовные силы по-прежнему на семьдесят-восемьдесят процентов утекали в чужие карманы, оставшихся крох всё же худо-бедно хватало, дабы продвигаться по ступеням культивации.

Спустя годы, спасаясь от проливного дождя, Се Ян укрылся в одной из пещер, где случайно наткнулся на точно так же сосланного Гун Чжоу, а вместе с ним — на множество иссохших скелетов тех, кого сослали сюда много лет назад.

Обыскивая груды костей, мальчишки сумели раздобыть немало старинных рукописей с описанием боевых техник, ковки артефактов и построения массивов. Опираясь на эти полуистлевшие книги, два ребенка шаг за шагом, вслепую нащупывали свой путь к истинному дао. И пускай каждый их шаг сопровождался новыми шрамами и мучительным голодом, они в конечном счете сумели выстоять и пробиться к свету.

Поскольку в Великую пустошь ссылали в основном провинившихся членов кланов Се и Гун, Се Ян, сопоставив факты по одной из уцелевших книг о массивах, в общих чертах сумел разобраться в собственной беде.

Он пришел к выводу, что вскоре после рождения люди из рода Се наложили на него запретное искусство Похищения удачи и замещения судьбы, превратив его в безвольную куклу-марионетку ради блага шестого молодого господина.

Чем больше злоключений выпадало на его долю, тем более удачливым становился Се Шестой. Но стоило Се Шестому угодить в неприятности, как на Се Яна обрушивались еще более тяжкие беды.

Если Се Шестой получал ранения, Се Ян принимал на себя львиную долю чужого урона. А большая часть духовной энергии, которую он с таким трудом накапливал во время тренировок, посредством скрытого массива перетекала прямиком в чужие меридианы.

И чем ближе он находился к родовым землям клана Се, тем мощнее проявляло себя это проклятие.

И наоборот, стоило ему уйти как можно дальше от владений Се, как воздействие массива заметно попускало — иначе ему бы в жизни не удалось благополучно заложить основу и достичь стадии Возведения Фундамента.

Изначально он наивно полагал, что стоило ему перебраться на Центральный континент, как он сможет окончательно сбросить с себя оковы этого искусства, однако в последнее время проклятие принялось бушевать с новой, невиданной силой.

А это могло означать лишь одно: человек, присвоивший себе его законную судьбу, в данный момент находится прямо здесь, на Центральном континенте.

Се Ян не спеша извлек из-за пазухи зеркало Обратного сияния, преподнесенное ему Сы Цзюньчжанем. Юноше было безумно любопытно — способно ли это артефактное зеркало помочь ему обратить силу проклятия вспять и обрушить всю мощь отдачи на голову того безвестного вора?

http://bllate.org/book/17668/1663196